

ИНДИКАТОРЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ СОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОЙ ГРАМОТНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

¹Кожамжарова М.Ж., ²Аубакирова С.С., ³Салимова Р.С., ⁴Мажитова А.Ә.

^{1,2,3}Торайгыров университет (Павлодар, Казахстан)

⁴Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

¹mayra_2901@mail.ru, ²aubakur@mail.ru, ³salimova_raigul@mail.ru,

⁴nicole_kz@mail.ru

¹Kozhamzharova M., ²Aubakirova S., ³Salimova R., ⁴Mazhitova A.

^{1,2,3}Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan)

⁴L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

¹mayra_2901@mail.ru, ²aubakur@mail.ru, ³salimova_raigul@mail.ru,

⁴nicole_kz@mail.ru

Аннотация. Начало XXI века ознаменовано динамикой глобализационных процессов, усиливших взаимозависимость государств и одновременно обнаживших уязвимость мирового порядка. Нарушение политического и экономического баланса, санкционные ограничения и трансформация международных отношений выявили новые линии напряжённости. На этом фоне религиозный фактор становится ключевым элементом глобальной социокультурной динамики: его влияние проявляется как через традиционные институты и духовные практики, так и через активизацию радикальных и экстремистских движений, претендующих на роль альтернативных источников легитимации. Эти процессы сопровождаются эрозией ценностных ориентиров и трансформацией социальных норм. В этом контексте усиливается этноконфессиональный поиск, возрастает интерес к религии как системе смыслообразующих и идентификационных практик. Внимание к феномену религиозного сознания и религиозной грамотности молодежи становится особенно значимым, поскольку именно эта группа определяет религиозно-мировоззренческий климат общества.

Определение индикаторов уровня религиозности, глубины религиозного сознания и степени религиозной грамотности, являющихся целью статьи, невозможно без анализа религиозности как интегративного элемента мировоззренческих установок и ценностно-смысловых структур личности. Реализация данной цели потребовала концептуализации и типологизации понятия «религиозность», генезиса критериев оценки уровня и глубины религиозного сознания и религиозной грамотности. В рамках исследования систематизированы существующие теоретико-

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

* Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (АР 23484991 «Повышение культурной толерантности и религиозной грамотности молодежи в условиях модернизации общественного сознания современного Казахстана»)

* Автор-корреспондент - Аубакирова С.С., aubakur@mail.ru

методологические подходы, обозначены методологические трудности, обусловленные сложной природой феномена. Результаты анализа показали отсутствие единой исследовательской позиции в определении искомых индикаторов. На основе синтеза теоретических разработок и социологических данных, собранных в Алматы и Астане, авторским коллективом предложен комплекс индикаторов религиозности сознания и грамотности, включающий религиозную самоидентификацию, религиозную веру, религиозную мотивацию, религиозное поведение и типологию религиозности.

Ключевые слова: религиозность, религиозная грамотность, индикаторы религиозности, религиозная идентификация, вера, религиозное поведение, типы религиозности.

Введение

Современное казахстанское общество в контексте государственно-конфессиональных отношений можно охарактеризовать как постсекулярное. Постсекулярность предполагает не исчезновение религии из публичной сферы, а её реинтеграцию в новые социальные, культурные и политические контексты, что сопровождается изменением характера религиозной идентификации и форм религиозного участия.

В последние десятилетия для значительной части населения Казахстана, включая молодёжь, религиозная самоидентификация приобрела особую значимость в структуре ценностных ориентиров. Религиозная тематика заметно усилила своё присутствие в общественно-политической риторике и «актуально обсуждается как в академической, так и в политической сферах [1]. Молодёжь, находясь в периоде интенсивного поиска жизненных ориентиров: построения семьи, формирования профессиональной траектории, определения системы ценностей, идеалов, ориентиров будущего делает религиозный фактор одним из ключевых элементов своего самоопределения. В условиях культурной и мировоззренческой турбулентности современного общества, где культура и вера выступают значимыми компонентами идентичности [1], религия всё активнее вовлекается в процессы социализации.

Более того, деятельность религиозных организаций имеет огромное влияние на общество, что позволяет им активно внедрять и масштабировать в повседневной практике современного общества свои ценностные установки, опыт, образ жизни. В результате усиливаются процессы деидеологизации, сопровождающиеся ростом религиозных настроений, переоценкой роли религии в личной и коллективной жизни, а также укреплением статуса культовых пространств (мечетей, церквей) как значимых социальных институтов в жизни общества.

Возникает закономерный вопрос: почему на постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане, получили распространение ранее нехарактерные для региона религиозные движения, что привело к активизации религиозных настроений в обществе, особенно среди молодёжи? Ответ на него требует комплексного анализа, поскольку причины этого явления многослойны и активно обсуждаются в исследовательском сообществе.

Одним из ключевых факторов следует признать разрыв преемственности религиозной традиции, произошедший в советский период в рамках проекта формирования «нового человека» и построения надэтнической общности - «советского народа». В условиях системной секуляризации и вытеснения

религиозных практик из публичной сферы традиционные формы религиозности утратили механизм передачи между поколениями.

В постсоветский период это породило противоречие между укоренёнными в казахстанском социокультурном пространстве мусульманскими традициями (ислам суннитского толка, ханафитского мазхаба) и привнесёнными извне радикальными течениями, в частности салафизмом. Последний, в большинстве случаев имея характер политизированного религиозного экстремизма, выступает как форма идеологической диверсии, способной подорвать межконфессиональное согласие в стране. Более того, посредством экспансионистских интерпретаций исламской проповеди он способствует активной трансляции норм и практик, направленных на усиление «требования к ужесточению облика и публичного поведения мусульман (обязательное ношение хиджабов, широкий охват системы общественного питания халяльными стандартами, исламский банкинг, исламская ипотека и проч.)» [2]. В этой связи основная цель настоящего исследования, а именно, определение индикаторов религиозного сознания и религиозной грамотности молодёжи, обусловлена усилением религиозного компонента в социокультурной жизни современного Казахстана. Данное обстоятельство делает необходимым комплексный анализ теоретико-методологического состояния рассматриваемой проблемы в современном исследовательском дискурсе.

Методология

Религия как социально-культурный феномен представляет собой сложную и многомерную сферу исследования. В современном научном сообществе до настоящего времени отсутствует общепринятая методика, позволяющая однозначно определить индикаторы религиозного сознания и религиозной грамотности молодёжи. Вместе с тем, в последние годы наблюдается активный поиск адекватных методологических решений как на концептуальном, так и на прикладном уровнях.

В рамках реализации поставленных исследовательских задач авторский коллектив опирался на теоретико-методологические положения, представленные в профильных научных публикациях, а также на многомерный подход к изучению религиозности, разработанный классиками религиоведения и социологии религии. Особое внимание было уделено попытке концептуального обобщения существующих подходов с целью формирования методической базы для определения индикаторов религиозного сознания и религиозной грамотности.

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологического опроса, проведённого в 2025 году среди молодёжи городов Алматы и Астана. Методом исследования выступил массовый опрос по стандартизированной анкете в формате *face-to-face* интервью. Выборка была репрезентативной, квотной, с учётом половозрастных характеристик и этнической структуры населения, и включала 1000 респондентов в каждом регионе. В исследование вошли молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет: студенты и молодые учёные вузов, обучающиеся колледжей, а также самозанятая молодёжь.

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием статистического пакета SPSS. Применение анкетного опроса позволило зафиксировать непосредственные ответы респондентов на вопросы, имеющие для них личностную значимость, что обеспечило более точную операционализацию исследуемых индикаторов. Кроме того, учёт широкого разнообразия религиозного

опыта и контекстов способствовал выявлению как специфических, так и общих характеристик религиозности молодёжи в современных условиях.

Наряду с этим в исследовании использовалась междисциплинарный подход, объединяющий знания и методы, таких областей как философия, социология, культурология, история, религиоведение, психология и другие методы, обеспечивающие многомерный анализ феномена религиозности: сравнительно-исторический, структурно-функциональный, системный подходы, общенаучные методы как обобщение, экстраполяция и др. Таким образом, эти подходы и методы исследования позволили комплексно подойти к определению индикаторов религиозности сознания и религиозной грамотности, объединяя эмпирическую достоверность и философско-религиоведческое осмысление феномена.

Обсуждение

Следует отметить, что метод определения индикаторов является универсальным и эффективно используется в прогностических целях. Если определять более точно, то индикаторы должны указывать на возможные сценарии развития событий. Таким образом под понятием индикатор мониторинга религиозности мы понимаем основания (признаки) для измерения процессов приобщения субъектов к религии, на основании которых можно говорить о качественном изменении статуса субъекта: от неверующего к верующему, от «вне религии» в религию» [3, с. 56].

В общем контексте, как уточняют современные исследователи «религиозные индикаторы свидетельствуют о религиозных предпочтениях населения, изменениях в численности верующих, взаимоотношениях различных конфессий на определенных территориях, связях религиозных организаций с единоверцами из других регионов и из зарубежных стран [4, с. 169].

Категория «религиозность» как исследовательская проблема

Одним из центральных понятий в разработке индикаторов мониторинга религиозного сознания и религиозной грамотности является категория «религиозность», которая выступает как сложный многомерный феномен. В её структуре можно выделить три взаимосвязанных компонента: духовный, культурный и социальный. Именно через их взаимодействие определяется глубина и степень вовлечённости индивида в систему религиозных отношений. Будучи свойством сознания, религиозность не обнаруживается непосредственно и не поддаётся прямой фиксации: она имеет субъективный характер и требует опосредованных способов выявления. В исследовательском поле это порождает многочисленные методологические разногласия, связанные как с определением критериев её измерения, так и с уточнением содержания религиозной идентичности.

В силу её латентного характера и сложноуловимости для более точной религиозной идентификации респондента исследователи используют систему дополнительных индикаторов, посредством которых религиозность объективируется и становится доступной для анализа. В связи с этим значительная часть современных концепций акцентирует внимание на рассмотрении религиозности через призму её социализирующих функций, что позволяет проследить её проявления в структуре идентичности, ценностных ориентациях и практиках поведения.

Несмотря на то, что в современной научной среде не существует единой общепринятой методологии измерения религиозности, дискуссия вокруг данной проблемы активно развивается как в зарубежном, так и в постсоветском исследовательском пространстве. Российские авторы отмечают, что социология религии в отечественной (*российской – курсив наш*) науке пока не стала «теорией среднего уровня, обладающей научным весом, опирающейся на богатую традицию и устойчивые научные школы, способные достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества» [5]. Эта характеристика в равной степени применима и к казахстанскому академическому полю, где исследования религии и религиозного сознания пока не сформировали целостную школу.

Вместе с тем, ещё в советский период предпринимались попытки анализа религиозности, культового поведения и места религии в жизни общества. Эти исследования велись в рамках общественных наук, включая академическое религиоведение и социологию. Следует подчеркнуть, что в силу господствующей марксистской идеологии они имели определённую методологическую заданность, однако это не умаляет значимости выработанных в тот период теоретических и методологических подходов, многие из которых сохраняют актуальность для современного научного дискурса.

Значительный вклад в концептуализацию религиозности и разработку многомерной модели её исследования внесли представители западной социологической мысли. Так, американский социолог Г. Ленски в фундаментальной работе «*Религиозный фактор*» (1961) одним из первых предложил перейти от абстрактных рассуждений о религии к построению теоретико-методологической базы для её эмпирического изучения, в частности, анализа религиозных организаций [6, с. 5]. Тем самым он способствовал смещению исследовательского фокуса к проблеме религиозности как социального феномена.

Важным шагом в этом направлении стала концепция «измерений религиозности», предложенная Ч. Глоком и Р. Старком. Исследователи выделили пять ключевых критериев, позволяющих фиксировать уровень и характер религиозной вовлечённости: религиозный опыт, культовая практика, вера, знание и поведенческие проявления религиозности. В дальнейшем данная модель неоднократно уточнялась и расширялась.

Так, Д. М. Угринович подверг критическому анализу предложенные критерии и акцентировал внимание на религиозной мотивации как особом индикаторе, позволяющем выявить степень реального воздействия религиозных представлений на поведение личности. В его исследованиях была разработана система из 49 индикаторов, позволяющих типологизировать индивидов в зависимости от выраженности религиозности и её влияния на различные сферы жизнедеятельности.

Методологические подходы к исследованию религиозности

В современной социологии религии выделяются несколько исследовательских подходов. Наиболее распространённым является многомерный (Ч. Глок, Р. Старк, Д. Фолкнер, Г.де Йонг, Г. Олпорт, Д.М. Угринович, А.А. Лебедев, И.М. Богдановская и др.), а также одномерный (Н.С. Бабич, В. И. Хоменко, К.В. Маркин и др.) и интегративный (С.Д. Лебедев, Е.В. Дубограй). Следует отметить, что исследования казахстанских учёных, посвящённые вопросам религии и религиозности молодёжи, в большинстве случаев имплицитно тяготеют к многомерному и интегративному подходам (А.Р. Масалимова, Е.Е. Бурова, М.Н. Джумагельдинов, Р.Т. Алимбаева, Р.Ш. Сабирова и др.).

На основе вышеуказанных подходов в исследованиях религиозности можно выделить две методологические позиции, которые в систематизированной форме представлены в работах Е.В. Дубограй. Первая из них связана с объективным, структурно-функциональным подходом (Д.Е. Фурман, С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин, Л.М. Воронцова, Н.А. Митрохин). Согласно данному подходу, религиозность индивида признаётся при наличии двух условий. Во-первых, если вера находит выражение в регулярном участии в культовых практиках «когда вера приводит к регулярному посещению церкви, причащению, соблюдению постов и т. д...» [3, с. 56]. Во-вторых, религиозность подтверждается тогда, когда поведение индивида строго соответствует каноническим предписаниям и образу жизни, предписанному конкретной конфессией, то есть наблюдается совпадение религиозного сознания и религиозного поведения.

В отношении религиозной идентификации представители данного подхода трактуют её преимущественно как проявление «культурной религиозности», выражающей скорее мировоззренческую или идеологическую позицию, нежели собственно религиозную. Иными словами, идентифицируя себя как религиозного, «человек может не разделять вероучения, не участвовать в обрядах и не входить в религиозную общину» [7, с. 36]. Согласно данной позиции, даже регулярное посещение богослужений не является достаточным основанием для признания индивида религиозным, если он не проявляет интереса к постижению их глубинного смысла.

В начале XXI века российский исследователь Ю. Ю. Синелина, обобщив существующие в социологии религии исследования, предложила систематизацию методологических подходов к измерению религиозности. В качестве ключевых критериев ею были выделены: самоидентификация, религиозное сознание (вера), религиозное поведение, взаимосвязь религиозного сознания и поведения, а также экспертные оценки. Ранее Ю.Ю. Синелиной была разработана оригинальная методика анализа религиозного поведения респондентов, идентифицирующих себя с православной традицией, через так называемый «индекс воцерковлённости» (В-индекс), где «основу его составили такие показатели, как частота посещения храмов, регулярность исповеди и причащения, знание и совершение церковных молитв, регулярность чтения Евангелия...» [8]. В дальнейшем Ю. Ю. Синелина успешно адаптировала В-индекс для изучения религиозности мусульман [9].

Вторая позиция, обозначаемая Дубограем Е.В., представляет собой субъективный подход к исследованию религиозности (Чеснокова В.Ф., Синелина Ю.Ю., Пейкова З.И. и др.), который акцентирует внимание на самоидентификации как центральном маркере религиозного сознания. В рамках данной позиции ключевым индикатором выступает религиозная направленность личности, позволяющая классифицировать типы религиозности (например, православный – неправославный, мусульманин – немусульманин). Традиционные показатели религиозности: знание догматических основ веры и религиозное поведение рассматриваются не как первичные критерии принадлежности, а как проявления глубины и формы верования, отражающие степень вовлеченности индивида в религиозные практики (воцерковленность) [10].

Подход, ориентированный на самоидентификацию, расширяет исследовательское поле и актуализирует такие элементы, как конфессиональная принадлежность, вера в Бога и участие в культовых практиках: чтение молитв, посещение храмов или мечетей, обращение к священным текстам (Библия,

Коран, Евангелие) и иные ритуальные действия. Одновременно возникает методологическое противоречие, отмеченное в социологии религии: отсутствует консенсус, следует ли при классификации верующих опираться на субъективное самоопределение или на объективные проявления религиозной активности, фиксирующие отношение индивида к вере и интенсивность практики.

В поисках универсального основания для конфессионального деления выработались два подхода: первый – субъективный, когда респондент самостоятельно определяет свою религиозную идентичность; второй – объективный, когда исследователь фиксирует участие индивида в религиозных практиках. Такое противоречие подчеркивает необходимость интегративного анализа, позволяющего соединять феноменологический опыт субъекта с эмпирически наблюдаемыми проявлениями религиозности.

Следовательно, исследование религиозности, в частности религиозного сознания и религиозной грамотности молодежи, демонстрирует потребность в формулировании комплексных индикаторов. Критически важно, чтобы субъективная самоидентификация респондента подтверждалась объективными данными, что обеспечивает методологическую обоснованность и уменьшает риск редукционистской интерпретации. Таким образом, современная философско-социологическая перспектива религиоведения настаивает на необходимости синтеза субъективных и объективных измерений религиозности как условия надежного научного анализа религиозных феноменов.

Эмпирические данные индикаторов религиозности

На основании анализа различных методологических подходов и концепций, а также точек зрения относительно критериев религиозности, исследовательская группа выделила ряд ключевых индикаторов религиозности сознания и религиозной грамотности молодежи. В первую очередь, это самоидентификация респондента, которая отражает субъективное отношение индивида к религии и служит основанием для классификации по типу религиозности: верующий (глубоко верующий), колеблющийся, неверующий, атеист. Кроме того, по данному критерию определяется конфессиональная принадлежность респондента (христианин: православный, католик, баптист и др.; мусульманин; иудаист; индуист и др.).

В ходе социологического исследования, проведенного в городах Алматы и Астана, респондентам был задан вопрос: «Каково ваше отношение к религии?». Результаты показали, что значительное большинство молодежи идентифицирует себя как верующих (60,2% в Алматы и более 70% в Астане). Однако респонденты, регулярно посещающие мечеть или церковь, соблюдающие религиозные обряды и запреты, составили лишь 15,6% в Алматы и 19,5% в Астане. При этом верующие, практически не участвующие в религиозной жизни и ограничивающиеся праздниками и отдельными обрядами, составили 43,6% в Алматы и 52,4% в Астане. Неверующие респонденты, которые, тем не менее, участвуют в некоторых обрядах и праздниках по культурной традиции, составили 13,5% в Алматы и 12,2% в Астане.

Таким образом, данные свидетельствуют о существенном расхождении между высокой степенью самоидентификации молодежи как верующих и фактическим участием в религиозной практике: лишь около пятой части респондентов активно вовлечены в религиозную жизнь. Основная же часть молодежи принимает участие в обрядах и праздниках преимущественно по

культурным традициям, сохраняя уважительное, но формальное отношение к религии. Это подтверждает социологическую гипотезу о том, что религиозность в данном контексте выполняет прежде всего социально-культурную функцию, отражая этнокультурную идентичность и традиции общества.

Для выявления конфессиональной идентификации респондентам был задан вопрос: «К какому вероисповеданию вы себя относите?». Результаты показали, что большинство молодежи относится к исламу (59,4% в Алматы, 68,1% в Астане), тогда как православие представлено 9 – 9,8%, другие конфессии (католицизм: 0,5 – 4,9%; протестантизм: 0,2 – 5,5%) и новые религиозные движения (Алматы – 1,1%, Астана – 2,2%) имеют менее значительное присутствие. Доля атеистов составила 6,2% в Алматы и 12,2% в Астане.

Таким образом, преобладание конфессиональной идентификации с исламом отражает глубокую историческую связь религии и этнической идентичности коренного населения Казахстана, включая молодежь. Сохраняющееся присутствие православия указывает на историко-демографические особенности страны, тогда как другие конфессии представлены главным образом этническими меньшинствами. Эти данные подтверждают важность учета историко-культурного контекста при изучении религиозности и религиозного сознания молодежи, подчеркивая необходимость интегративного подхода, сочетающего субъективные самооценки и объективные показатели религиозной практики.

Следующим ключевым индикатором религиозности сознания выступает вера, включающая религиозные идеи, представления, догматы и убеждение в существовании сверхъестественного. В зависимости от целей исследования могут выделяться дополнительные признаки, характерные для конкретной религиозной конфессии, например, вера в ангелов, конец света, существование рая и ада и т. д.

Для выявления уровня веры респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, что в религии является главным?». Результаты исследования показывают, что в сознании молодежи религия в первую очередь воспринимается как источник духовности и нравственных ориентиров: в Алматы 34,6%, а в Астане 33,2% респондентов считают основой религии «моральные заповеди». «Священные книги» выбрали 21,2% (Алматы) и 23,3% (Астана), «подлинную духовность» – 14,3% и 11,5% соответственно, «верность традициям» – 10,3% и 10,8%. Более личностные ценности, такие как «личное спасение» (7,0-7,3%) и «воссоединение с Богом» (4,8-6,3%), имели сравнительно низкие показатели. Таким образом, молодые респонденты склонны воспринимать религию через призму моральных ориентиров и духовных ценностей, а не ритуальной практики.

Важным компонентом религиозного сознания является религиозный мотив. Как отмечает Мидова З. М., ссылаясь на работы Мchedлова М. П. и др., религиозный мотив понимается как «внутренний стимул действия, выражением которого может выступать религиозная потребность, вера, идея, чувство и т. п.» [11, с. 33]. Религиозный мотив представляет собой значимый показатель религиозного сознания, поскольку в нём проявляется личностный смысл действия субъекта, направленный на достижение целей, обусловленных религиозными принципами конкретной веры.

В рамках исследования респондентам был задан вопрос: «Как вы пришли к своей вере?». В обоих городах (Алматы и Астана) более 60% респондентов связывают выбор веры с религией семьи, предков или народа. Осознанный личный духовный поиск составляет значительно меньшую долю – 11,4% в Алматы и 13,9% в Астане. Влияние духовенства или ближайшего окружения

оказалось минимальным (Алматы – 5,3-1,9%, Астана – 6,5-2,2%). Схожая доля респондентов либо не интересуется религией (около 13%), либо затруднилась с ответом. Тех, кто рассматривает веру как личную духовную победу, крайне мало – около 1% и менее. Таким образом, основанием формирования религиозной принадлежности в рассматриваемой выборке выступает семейно-культурная традиция, а религиозные мотивы преимущественно определяются традиционными факторами, а не личным духовным выбором.

Религиозный мотив занимает ключевое место в системе мотивации поведения, поскольку он определяет внутренние стимулы действий индивида, направленные на реализацию религиозных принципов. Под религиозным поведением понимается совокупность действий и поступков, совершаемых человеком или группой людей под влиянием религиозных мотивов и соответствующих религиозным нормам. Характер религиозного поведения существенно зависит от конфессиональной принадлежности индивида и типа религиозной организации, к которой он относится – будь то традиционная церковь или мечеть, секта или новое религиозное движение (НРД).

Религиозное поведение подразделяется на культовое и внекультовое. Критериями культового поведения являются: участие в богослужениях и религиозных праздниках, чтение молитв, выполнение обрядов и культовых действий. Внекультовое поведение включает такие проявления, как «сочинение религиозных произведений, преподавание богословских дисциплин, религиозное воспитание в семье, пропаганда религии среди коллег, знакомых, участие в деятельности церковных советов, соборов и т. д.» [11, с. 33]. Внекультовые действия чаще выступают явными индикаторами религиозности субъекта.

Однако ситуация с культовыми действиями более сложна. Не всякое участие в богослужениях, религиозных мероприятиях обязательно отражает религиозное поведение, и не все культовые действия служат показателем глубины веры. Например, посещение храма или мечети, участие в венчании, похоронах или других ритуалах может быть мотивировано эстетическими, социальными или культурными факторами, такими как влияние общественного мнения, уважение к традиции или статусные потребности. Следовательно, одних наблюдаемых культовых действий недостаточно для достоверного определения субъективной религиозности индивида [11, с. 34].

Для выявления религиозного поведения респондентам был задан вопрос: «Как часто вы посещаете мечеть/церковь/молельные дома?». Согласно результатам, около половины опрошенных в Алматы (52,3%) и Астане (47,6%) посещают религиозные учреждения эпизодически – раз в полгода или по религиозным праздникам или значимым жизненным событиям (венчание, рождение ребёнка и др.). Лишь треть респондентов посещают места богослужений более регулярно - от нескольких раз в неделю до одного раза в месяц. Каждый десятый респондент заявил, что «никогда не посещал» религиозные учреждения.

Таким образом, религиозное поведение молодежи в исследуемых городах носит преимущественно обрядово-традиционный и нерегулярный характер. Мечети, церкви и молельные дома воспринимаются скорее, как пространства ритуального участия в ключевых жизненных событиях, чем как центры регулярной духовной практики или институциональной принадлежности. Это указывает на социально-культурную роль религии: практическая религиозность формируется под влиянием традиций и культурных норм, а не личной духовной мотивации.

Определение подлинных границ между искренне верующими и формально примыкающими к религиозному сообществу представляет собой одну из фундаментальных трудностей религиозноведческого анализа. В этом контексте сама дихотомия «верующий – неверующий» методологически условна и размыта множеством промежуточных форм: от колеблющихся и ситуативно практикующих до тех, кто сохраняет лишь культурно-идентификационные элементы религиозности.

Именно поэтому в научном дискурсе получила распространение идея шкалы религиозности, основанной на таких параметрах, как глубина и интенсивность веры, степень религиозной мотивации, регулярность религиозных практик и характер включённости индивида в религиозное сообщество. С помощью этих показателей становится возможным конструирование типологии религиозности. Под типами религиозности подразумевают «понятия, которые отражают определенный её характер, общий для некоторого числа людей, и на этой основе выделяют соответствующие классификационные группы» [12, с. 113].

Классический пример подобной систематизации представлен в работах Д.М. Угриновича, который, опираясь на мировоззренческие критерии, выделил следующие типы: глубоко верующие, верующие, колеблющиеся, индифферентные и атеисты (пассивные и активные) [13, с. 143-144]. Эта типология отражала стремление структурировать религиозное поле на основании внутренней интенсивности веры и степени участия в религиозной жизни. Однако в современном религиозноведении наблюдается тенденция к созданию более сложных и гибких моделей: в зависимости от выбранных параметров формируются различные типологии, учитывающие не только институциональную религиозность, но и индивидуализированные формы веры, связанные с процессами секуляризации и десакрализации [14, с. 78].

Таким образом, современный исследователь сталкивается с необходимостью постоянного пересмотра границ и критериев религиозности, что указывает не только на изменчивость самой религиозной сферы, но и на динамику методологических подходов в религиозноведении.

Следующим значимым индикатором религиозности выступает религиозная грамотность, которая включает не только знание вероучительных основ исповедуемой религии, но и осознанное освоение религиозного опыта в познавательном и мировоззренческом измерении. Под религиозной грамотностью следует понимать не простое накопление фактов о религиозных нормах и обрядах, а процесс формирования культурной и духовной рефлексии, позволяющей соотносить личный опыт с универсальными религиозными ценностями.

Эмпирические данные демонстрируют, что уровень религиозной грамотности среди молодежи Казахстана остается фрагментарным. Так, большинство респондентов - 59,8% в Алматы и 68,5% в Астане - заявили, что обладают лишь «общим представлением» о своей религии, её предписаниях и практиках. Глубокое знание религиозных основ фиксируется лишь у меньшинства: 14,6% в Алматы и 13,2% в Астане. В то же время 12,5% и 6,3% соответственно признали, что «практически ничего не знают» о своей религии, а 13,1% и 12% вовсе отметили отсутствие интереса к данной сфере.

Таким образом, картина религиозной грамотности выявляет глубинный парадокс культурного сознания: при высокой конфессиональной самоидентификации преобладают поверхностные знания, а молодежь, осознанно и рефлексивно вовлечённая в религиозную практику, остаётся в меньшинстве.

Явление отражает напряжение между формальной идентичностью и подлинным усвоением духовных ценностей.

Особое значение в этом контексте приобретает феномен религиозного самообразования. Ответы на вопрос о чтении религиозной литературы показывают низкий уровень обращения молодежи к религиозным первоисточникам. Регулярно читают религиозные тексты лишь 8,1% в Алматы и 6% в Астане. Эпизодически – 32,3% и 41,9% соответственно. Почти половина молодежи полностью игнорирует подобные источники: 40% в Алматы и 43,4% в Астане. Это свидетельствует о снижении значимости религиозного знания как основы формирования духовных и мировоззренческих ориентиров.

В философско-социологическом измерении религиозность молодежи Казахстана проявляется преимущественно как социокультурное явление. Ислам воспринимается скорее, как культурный код, нежели как глубинная религиозная практика. Молодежь сохраняет формальную идентификацию с религией, но её внутренняя структура во многом определяется историко-культурным наследием, а не системой религиозного образования. Таким образом, религиозная грамотность как индикатор демонстрирует амбивалентность современной религиозности: с одной стороны, наличие устойчивой самоидентификации, с другой, дефицит глубокого религиозного опыта и знаний, что формирует особый тип религиозности, характерный для постсекулярных обществ и выражающийся в соединении этнокультурной принадлежности и минимальной религиозной практики.

Заключение

Религия предстает как сложная и многомерная форма мировоззрения, вбирающая в себя духовное, культурное и социальное измерения человеческого бытия. Ее исследование осуществляется в разных дисциплинарных горизонтах философии религии, религиоведении, социологии, психологии, истории религии, каждая из которых акцентирует собственный аспект феномена, при этом не исчерпывая его целостности.

Ключевая трудность анализа заключается в неоднозначности самой категории «религиозность». Понимание религиозного сознания, религиозного поведения и уровня религиозной грамотности неизбежно порождает гносеологические и методологические вопросы: кто может быть признан верующим? Возможно ли выделить универсальные критерии, позволяющие различить верующего, неверующего, сомневающегося или же пребывающего в состоянии «частичной» религиозности?

Как показывает современное состояние научного дискурса, попытки ответить на эти вопросы породили широкий спектр методологических стратегий и моделей. Однако консенсус по поводу базовых индикаторов религиозности до сих пор отсутствует: сохраняется разнородность в определении религиозной идентичности, типологий (верующий, неверующий, атеист, агностик, воцерковленный, «слабо религиозный» и др.), а также таких категорий, как «религиозное сознание», «религиозное поведение» и «религиозная грамотность». Это свидетельствует, с одной стороны, о сложности объекта исследования, с другой – о необходимости междисциплинарного и компаративного подхода.

Таким образом, обобщение современных теоретико-методологических разработок и эмпирических исследований показывает, что религиозность -

многомерный феномен, требующий выделения комплекса индикаторов. В философско-социологическом дискурсе их целесообразно рассматривать как элементы единой модели, отражающей взаимосвязь субъективного и объективного измерений религиозной жизни. Ключевые индикаторы включают самоидентификацию, религиозную веру, религиозные мотивы, религиозное поведение, тип религиозного мировоззрения, религиозную грамотность.

В современном Казахстане, где религия вновь занимает значимое место в духовной и социальной сферах, исследование индикаторов религиозного сознания и религиозной грамотности приобретает особую актуальность. Особенно это важно для молодежи, для которой религия может становиться как ресурсом идентичности и социальной интеграции, так и фактором амбивалентных ценностных ориентаций, поскольку в её основе сосуществуют противоположные потенциалы – стремление к духовной интеграции и солидарности, с одной стороны, и возможность радикализации и ценностного раскола, с другой. Именно поэтому развитие концептуального аппарата и методологического инструментария в этой области является необходимым условием для понимания модернизации сознания и прогнозирования динамики казахстанского общества.

Список литературы

1 Каргина И. Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. – 2013. – № 6. – С. 108-115.

2 Буданов М. А., Полунов А.Ю. Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности. Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 108. [Электронный ресурс] URL <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89>

3 Дубограй Е. В. О социологическом измерении религиозности человека в конкретном медико-социологическом исследований // Сеченовский вестник. – 2012. – № 2 (8). – С. 54-59.

4 Шувалов А. П., Тишкин Д. Н. Актуальные вопросы применения метода индикаторов в оперативно-розыском прогнозировании в сфере противодействия религиозному экстремизму. – Юристъ-Правоведъ, 2019. – № 1 (88). – С. 167-174.

5 Анурин В. Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 135-146.

6 Грусман Я. В. Новые религиозные движения как социокультурный феномен современного российского мегаполиса: автореф. дисс. на соис.уч. ст-ни канд. соц. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 20 с.

7 Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – М., 2005. – № 6. – С. 35-45.

8 Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века – М.: Академический проект, 2005. – 304 с. [Электронный ресурс] URL https://krotov.info/history/20/1990/chesnokova_02.htm

9 Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 89-95.

10 Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения// Десять лет социологических наблюдений. – М.: Издательство Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 112–145.

11 Мидова З.М. Формирование понятийно-категориального аппарата социологической концепции религиозности молодежи // Современные тенденции

развития мировой социологии: материалы международной научно-практической конференции 5-6 ноября 2010 года. – Пенза – Ереван – Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 31-36.

12 Мчедлов М. П. Современный верующий // Свободная мысль. – 1996. – № 8. – с.113

13 Угринович Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. – М.: «Мысль», 1985. – 270 с.

14 Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. – 2019. – 76-87.

Transliteration

1 Kargina I. G. Kljuchevye trendy v izuchenii sovremennyh pojavlenij religioznosti [Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity] // Sociologicheskie issledovanija. – 2013. – № 6. – S. 108-115.

2 Budanov M. A., Polunov A.Ju. Sovremennaja religioznaja situacija v Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [The modern religious situation in Russia: challenges and opportunities]. Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik. – 2025. – № 108. [Jelektronnyj resurs] URL <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89>

3 Dubograj E. V. O sociologicheskom izmerenii religioznosti cheloveka v konkretnom mediko-sociologicheskom issledovanii [On the sociological dimension of human religiosity in a specific medical-sociological study] // Sechenovskij vestnik. – 2012. – № 2 (8). – S. 54-59.

4 Shuvalov A. P., Tishkin D. N. Aktual'nye voprosy primeneniya metoda indikatorov v operativno-rozysknom prognozirovanii v sfere protivodejstviya religioznomu jekstremizmu [Current issues of application of the indicator method in operational-search forecasting in the field of counteracting religious extremism]. – Jurist-Pravoved, 2019. – № 1 (88). – S. 167-174.

5 Anurin V. F. Religija kak faktor social'noj integracii [Religion as a factor in social integration] // Sociologicheskie issledovanija. – 2013. – № 1. – S. 135-146.

6 Grusman Ja. V. Novye religioznye dvizenija kak sociokul'turnyj fenomen sovremennogo rossijskogo megapolisa [New religious movements as a socio-cultural phenomenon of the modern Russian metropolis]: avtoref. diss. na sois.uch. st-ni kand. soc. nauk. – Sankt-Peterburg, 2007. – 20 s.

7 Filatov S. B., Lunkin R. N. Statistika rossijskoj religioznosti: magija cifr i neodnoznachnaja real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality] // Sociologicheskie issledovanija. – M., 2005. – № 6. – S. 35-45.

8 Chesnokova V. F. Tesnym putem: process vocerkvlenija naselenija Rossii v konce XX veka [The Narrow Path: The Process of Churching the Population of Russia at the End of the Twentieth Century] – M.: Akademicheskij proekt, 2005. – 304 s. [Jelektronnyj resurs] URL https://krotov.info/history/20/1990/chesnokova_02.htm

9 Sinelina Ju. Ju. Pravoslavnye i musul'mane: sravnitel'nyj analiz religioznogo povedeniya i cennostnyh orientacij [Orthodox and Muslims: A Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations] // Sociologicheskie issledovanija. – 2009. – № 4. – S. 89-95.

10 Chesnokova V. F. Vocerkovlennost': fenomen i sposoby ego izuchenija [Churching: a phenomenon and methods of studying it// Ten years of sociological observations] // Desjat' let sociologicheskikh nabljudenij. – M.: Izdatel'stvo Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2003. – S. 112-145.

11 Midova Z. M. Formirovanie ponjatijno-kategorial'nogo apparata sociologicheskoi koncepcii religioznosti molodezhi [Formation of conceptual and categorical apparatus of the sociological concept of religiosity of youth] // Sovremennye tendencii razvitija mirovoj sociologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii 5-6 nojabrja 2010 goda. – Penza – Erevan – Praha: OOO Nauchno-izdatel'skij centr «Sociosfera», 2010. – S. 31-36.

12 Mchedlov M. P. Sovremenniy verujushhij [Modern Believer] // Svobodnaja mysl'. – 1996. – № 8. – S.113

13 Ugrinovich D. M. Vvedenie v religiovedenie [Introduction to Religious Studies]. 2-e izd., dop. – M.: «Mysl'», 1985. – 270 s.

14 Breskaja O. Ju. Izuchenie religioznosti: k neobходимosti integral'nogo podhoda [Studying Religiosity: Towards an Integral Approach] // Sociologicheskie issledovanija. – 2019. – 76-87.

Кожамжарова М.Ж., Аубакирова С.С., Салимова Р.С., Мажитова А.Ә.

Сана діндарлығы мен діни сауаттылықтың көрсеткіштері: теориялық-әдістемелік талдау және эмпирикалық зерттеулер

Аңдатпа. ХХІ ғасырдың басы мемлекеттердің өзара тәуелділігін арттырған және сонымен бірге әлемдік тәртіптің осалдығын әшкерелеген жаһандану үдерістерінің серпінімен ерекшеленеді. Саяси және экономикалық тепе-теңдікті бұзу, санкциялық шектеулер мен халықаралық қатынастардың өзгеруі шиеленістің жаңа бағыттарын ашты. Осының аясында діни фактор жаһандық әлеуметтік-мәдени динамиканың негізгі элементіне айналуға: оның ықпалы дәстүрлі институттар мен рухани тәжірибелер арқылы да, заңдастырудың балама көздері рөлін талап ететін радикалды және экстремистік ағымдардың белсендіруі арқылы да көрінеді. Бұл үдерістер дәстүрлі құндылық бағдарлардың эрозиясымен және әлеуметтік нормалардың өзгеруімен қатар жүреді. Осы тұрғыда этноконфессионалдық ізденіс күшейіп, дінге мағына қалыптастырушы және сәйкестендіру тәжірибесінің жүйесі ретінде қызығушылық артып келеді. Жастардың діни санасы мен діни сауаттылығы феноменіне көңіл бөлу ерекше мәнге ие болуда, өйткені қоғамның діни-идеологиялық ахуалын анықтайтын осы топ.

Мақаланың мақсаты болып табылатын діндарлық деңгейінің, діни сананың тереңдігінің және діни сауаттылық дәрежесінің көрсеткіштерін анықтау жеке тұлғаның идеологиялық көзқарастары мен құндылықты-мағыналық құрылымдарының интегративті элементі ретіндегі діндарлықты талдаусыз мүмкін емес. Бұл мақсатты жүзеге асыру «діндарлық» ұғымының концептуализациясы мен типологиясын, діни сана мен діни сауаттылықтың деңгейі мен тереңдігін бағалау критерийлерінің генезисін талап етті. Зерттеуде қолданыстағы теориялық және әдістемелік тәсілдер жүйеленеді, құбылыстың күрделі сипатына байланысты әдістемелік қиындықтар анықталады. Талдау нәтижелері ізденетін көрсеткіштерді анықтауда біртұтас зерттеу ұстанымының жоқтығын көрсетті. Алматы мен Астанада жинақталған теориялық әзірлемелер мен әлеуметтік деректердің синтезіне сүйене отырып, авторлар діни сана мен сауаттылық көрсеткіштерінің жиынтығын ұсынды, оның ішінде діни өзін-өзі анықтау, діни сенім, діни мотивация, діни мінез-құлық және діндарлық типологиясы.

Түйін сөздер: діндарлық, діни сауаттылық, діндарлық көрсеткіштер, діни сәйкестендіру, сенім, діни мінез-құлық, діндарлық түрлері.

Kozhamzharova M., Aubakirova S., Salimova R., Mazhitova A.

Indicators of religious consciousness and religious literacy: theoretical and methodological analysis and empirical research

Abstract. The beginning of the 21st century is marked by the dynamics of globalization processes, which have increased the interdependence of states and at the same time exposed the vulnerability of the world order. The disruption of the political and economic balance, sanctions restrictions and the transformation of international relations have revealed new lines of tension. Against this background, the religious factor becomes a key element of global socio-

cultural dynamics: its influence is manifested both through traditional institutions and spiritual practices, and through the activation of radical and extremist movements claiming the role of alternative sources of legitimation. These processes are accompanied by the erosion of value orientations and the transformation of social norms. In this context, the ethno-confessional search is intensifying, and interest in religion as a system of meaning-forming and identification practices is growing. Attention to the phenomenon of religious consciousness and religious literacy of young people is becoming especially significant, since it is this group that determines the religious and ideological climate of society.

The definition of indicators of the level of religiosity, depth of religious consciousness and degree of religious literacy, which are the purpose of the article, is impossible without the analysis of religiosity as an integrative element of ideological attitudes and value-semantic structures of the individual. The implementation of this goal required the conceptualization and typology of the concept of “religiosity”, the genesis of criteria for assessing the level and depth of religious consciousness and religious literacy. The study systematizes existing theoretical and methodological approaches, identifies methodological difficulties due to the complex nature of the phenomenon. The results of the analysis showed the absence of a unified research position in determining the sought-after indicators. Based on the synthesis of theoretical developments and sociological data collected in Almaty and Astana, the authors proposed a set of indicators of religious consciousness and literacy, including religious self-identification, religious faith, religious motivation, religious behavior and a typology of religiosity.

Keywords: religiosity, religious literacy, indicators of religiosity, religious identification, faith, religious behavior, types of religiosity.

Келін түсімі: 19.08.2025

Қабылданды: 12.11.2025